Волнистый зеленый ковер простирался насколько хватало глаз. Небо было чистым, голубым и усеянным яркими белыми облаками.

Далеко на горизонте возвышалось кучево-дождевое облако, похожее на белоснежный дворец богов. В воздухе раздавался стрекот цикад. В центре луга проходила дорога - крошечная полоска земли с твердым покрытием, настолько тонкая, что ее едва ли можно было назвать дорогой.

По большей части она шла прямо, изредка делая резкий поворот, чтобы объехать заросли камыша или кучу деревьев, а затем снова выпрямляясь. Дорога шла на запад.

Гермес двигался по дороге, преодолевая повороты на большой скорости. Когда он выехал на прямую, его переднее колесо открывалось от земли, и он еще больше разогнался.

День был теплый, и Кино расстегнула воротник своего длинного черного жилета, чтобы свежий воздух ласкал ее кожу. Снаружи жилета она пристегнула ремень кобуры на случай, если ей в любой момент придется достать "Лесника". На правом бедре была открыта кобура с пистолетом-пулеметом - ее надежно скрывал край жилета. Рукава рубашки она обвязала резинкой, чтобы они не трепались на ветру и не мешали двигаться, если ей понадобится достать один из пистолетов. Но ее короткие черные волосы были без шапочки или шлема и развевались во все стороны. Она смотрела прямо перед собой через свои устаревшие очки.

У Гермеса не было заднего сиденья, и ему еще не приходилось брать на борт дополнительного пассажира, но его багажник и контейнеры для хранения были полны провизии, еды, воды и боеприпасов. Они были настолько полны, что Гермес счел себя вправе пожаловаться на скорость, с которой Кино заставлял его двигаться на более резких поворотах.

Он как раз собирался высказать такое недовольство, когда она постучала по бензобаку и показала на руль.

— Вот оно, — сказала она.

Гермес осмотрел дорогу впереди. Вдалеке виднелись белые стены города.

Кино открыла дроссельную заслонку до упора. Гермес рванул вперед, забыв о ворчании.

*****

Кино стояла перед арочными воротами в высоких толстых стенах с очками на шее. Она провела пальцами по разметавшимся на ветру волосам и крикнула в тихий воздух:

— Есть кто-нибудь?!

Толстые деревянные двери, которые должны были быть плотно закрыты, стояли распахнутыми на своих массивных столбах, но Кино не могла не быть осторожной. Сквозь темные ворота она разглядела несколько каменных домов. В караульном помещении должны были находиться вооруженные люди, но их не было.

Она подождала несколько минут, прислушиваясь к ветру и пению птиц. Она вытерла пот со лба предплечьем.

— По-моему, здесь никого нет, Кино, — сказал мотоцикл позади нее. Он стоял, опираясь на

подножку, в тени одинокого дерева.

— Странно.

Кино снова позвала. Ответил только ветер, но в нем не было ничего информативного.

— Давай войдем. В конце концов, ворота открыты.

— Не стоит этого делать, Гермес. Если ты входишь в чужой дом без разрешения, ты не сможешь пожаловаться, если в тебя выстрелят.

— Но если там никого нет, то в тебя не могут выстрелить. И...

— И? — повторила Кино, с надеждой глядя на него.

— Очень немногие люди могут убить тебя, Кино. Даже если бы кто-то наставил на тебя пистолет сзади, ты бы извернулась и выстрелила прежде, чем он успел бы взвести пистолет. Я гарантирую это.

— Спасибо, наверное.

Кино скорчила гримасу, постукивая кончиками пальцев по револьверу в набедренной кобуре.

— Тогда ладно. Мы не можем стоять здесь всю ночь. Давайте войдем. Но мы не будем отстреливаться. Если будет похоже на неприятности, мы уедем.

— Тебе решать.

Кино подтолкнула Гермеса к воротам, стараясь охватить взглядом все закоулки, переулки и крыши. Здесь было тихо, как в святилище.

— Центр города - самое вероятное место, где можно кого-то найти, — предположил Гермес.

— О, точно. Как и в том последнем месте, да? Тысячная толпа.

— Не надо язвить, — сказал ей Гермес, похоже, обидевшись. Через мгновение он спросил: — Ты думаешь... ты думаешь, здесь произошло то же самое?

— Это было бы слишком большим совпадением, не так ли? — сказала Кино, когда они вышли из тени ворот. Она молилась, чтобы оказаться права.

*****

— Непросто в центре города, — вздохнула Кино, подбрасывая хворост в костер. Темнота покрывала землю, но небо было усеяно звездами, которые время от времени прятались за высоко нависшими облаками. Кино дрожала и мечтала согреться.

— Не то чтобы это была твоя вина.

В свете костра, отражающегося от его хромированных колец, Гермес стоял в стороне, без багажа.

Кино хихикнула.

— А, так это, наверное, твоя!

— Нет, черт возьми. Я виню жителей этого места. Такой красивый город, а в нем никто не живет? — Гермес издал грубый звук. — Это оскорбительно для зданий. Это возмутительно.

Кино тихонько рассмеялся и оглядел перекресток, на котором они разбили лагерь. Во все четыре стороны тянулись мощеные дороги, достаточно широкие, чтобы по ним могли проехать несколько машин. По сторонам дороги выстроились каменные здания, между которыми не было ни дюйма свободного пространства. Все они были высотой в четыре этажа, одинаковой конструкции и древние.

Ни в одном окне не горел свет.

Кино и Гермес полдня бродили по городу, не встретив ни одного человека. Не было никаких признаков того, что здесь кто-то живет уже очень давно. Устав от поисков заброшенных зданий, они устроили здесь палатку, откуда можно было внимательно наблюдать за происходящим. Костер они развели в небольшом углублении в булыжниках в центре перекрестка, используя сухие дрова с деревьев вдоль дороги.

— Это город-призрак, — пробормотала Кино, разгрызая нечто, похожее на комок глины, но с надписью "Протеиновый энергетический батончик". Она положила комок в рот и с трудом прожевала его. На то, чтобы съесть эту штуку, ушло немало энергии.

— Что мы будем делать завтра? — спросил Гермес, когда Кино закончила трапезу.

— Есть места, где мы еще не были. Будем искать там.

— Возможно, это будет бесполезно.

— И это тоже хорошо.

Кино достала из вещмешка одеяло и, оставив Гермеса у костра, перешла на тротуар перед зданием с глухим фасадом. Положив одеяло на тротуар, она пробормотала: "Я бы хотела мягкую кровать с белыми простынями.

— Примите мои соболезнования. Могу я также заметить, что утром не будет горячего душа?

— Убийственная радость.

Кино вытащила "Пушку" из кобуры. Затем она легла, завернувшись в одеяло. Лесник остался прижиматься к ее позвоночнику - на всякий случай.

— Уже спишь?

— Делать больше нечего. Продолжай следить за мной. Спокойной ночи, Гермес.

Кино уже почти уснула, когда Гермес пробормотал:

— Ненавижу нести вахту.

— Прости, — пробормотала она.

— Я действительно ненавижу это.

— Гермес...

— Это скучно.

Он замолчал ровно настолько, чтобы Кино снова погрузилась в сон.

— Скучно... скучно... ску...

— ГЕРМЕС!

Тишина.

Кино наконец-то уснула. Она не была уверена, но ей показалось, что перед тем, как задремать, она услышала тихий металлический шепот: "Скучно". Но, возможно, это была часть ее сна.

*****

Кино проснулась вместе с солнцем. Или проснулась бы, если бы оно не было окутано густым туманом.

Она сделала несколько легких упражнений, почистила оружие и потренировалась в стрельбе, что немного разогрело кровь. Меню завтрака было таким же, как и ужин накануне, а значит, убогим. Кино старалась не чувствовать вкуса того, что ела. Покончив с непосильной задачей - поесть, она разбудила Гермеса.

— Все еще скучно, - сообщил он ей, выступая темным силуэтом в тумане.

Наконец выглянуло солнце и прогнало туман. Кино убрала остатки костра, погрузила весь багаж и покинула перекресток.

Полдня они бродили по новым районам города. Они не нашли никого, даже следов людей. От зданий несло затхлым перегаром.

Около полудня, устав от поисков, Кино и Гермес добрались до большого парка. По траве тянулись вымощенные белым булыжником дорожки. Парк был достаточно широк, и даже при разумной скорости они некоторое время ехали, не доезжая до другой стороны. Деревья и трава заросли, пруды высохли, а газоны засохли или заросли семенами.

В центре парка возвышалось большое белое здание. Оно простиралось на север и на юг так далеко, что казалось, просторам белого мрамора нет конца. Оно было великолепно построено и украшено резьбой сверху донизу, насколько хватало глаз.

— Это потрясающе, — сказал Гермес, когда они любовались зданием. — Подумай, сколько ресурсов потребовалось, чтобы построить такое место. Это внушает благоговение.

— Может, это был дворец, — предположила Кино, вытирая лоб рукавом рубашки. Солнце стояло в зените и светило очень ярко.

— Возможно. Дворец очень богатого короля, когда-то давно, очень давно.

— Потом монархия пала, и его превратили в парк, — закончила сказку Кино, а потом добавила: — Жаль, что рядом нет гида, который рассказал бы нам настоящую историю.

Она кивнула в сторону северной стороны парящей арки.

— Наверное, это вход.

*****

Внутри здания было тихо, как в гробнице. Кино и Гермес оказались в огромном сводчатом зале с десятками витражей, фонтаном, превышающим по размерам средний бассейн, и бесконечными коридорами. В общем, внутри все было не менее впечатляющим, чем снаружи, только все было покрыто толстым слоем пыли.

Они прошли прямо по большому залу через огромные двустворчатые двери из полированной латуни. Они вышли на широкую террасу, с которой открывался вид на территорию за дворцом.

— О, — вздохнул Гермес.

Кино ничего не сказала и лишь прислонилась к резной мраморной балюстраде.

Это было кладбище. Огромное кладбище.

Вокруг зеленой травы возвышались курганы земли, отмеченные тонкими деревянными досками. Простые могилы, расположенные рядами по всей территории, тянулись вдаль. Тысячи, десятки тысяч - их невозможно было сосчитать.

Возможно, когда-то это место было королевскими охотничьими угодьями или местом отдыха горожан, но теперь это было не более чем огромное кладбище. Кино испустила долгий, глубокий вздох, и Гермесу показалось, что он тоже выдохнул.

Позднее летнее солнце угасало, пока они стояли там; небо стало фиолетово-серым, а затем темно-синим. Тень от здания быстро накрыла могилы, создавая жуткое впечатление, что они погружаются в землю.

*****

Гермес прошептал:

— Кино. Все в этом городе мертвы.

Кино молчала, не сводя глаз с исчезающих могил.

— Все, кто остался в живых, наверняка покинули это место. Город... город тоже мертв.

— Возможно. Интересно, почему?

Она повернулась к Гермесу, словно не замечая его, стоящего в непроглядном мраке.

Ее глаза казались призрачными - такими же призрачными, как этот город, - и это внушало ему тревогу.

— Нам незачем здесь оставаться, — сказал он. — Нам лучше уйти.

Кино ответила, покачав головой.

— Нет. Мы разобьем здесь лагерь на ночь, а утром уйдем. Еще не прошло и трех дней.

— Опять? — скептически воскликнул Гермес. — Почему мы всегда останавливаемся на три дня в каждом месте?

Кино слегка улыбнулась.

— Один путешественник, которого я встретила давным-давно, сказал, что это идеальный срок для любого пребывания.

— И это все?

Гермес подумал, что в этом наверняка кроется нечто более глубокое.

Кино повернулась, чтобы снова посмотреть на могилы.

Гермесу определенно не нравилась мысль о том, чтобы провести ночь среди мертвых.

*****

После первой ночи, проведенной в том, что они теперь считали мавзолеем, Кино и Гермес без обсуждения перебрались в небольшое здание у входа в парк. Утром третьего дня Кино по привычке проснулась на рассвете. Она позанималась с Лесоником и Пушком, а затем привела их в порядок. Потом вытерлась влажной тряпкой. Затем она позавтракала, погрузила багаж и разбудила сонного мотоциклиста.

Нацелившись на западные ворота, они направились через город. Кино позволила двигателю Гермеса реветь так громко, как ему хотелось, и ехала со скоростью, значительно превышающей допустимую. В конце концов, никого не придется будить и выслушивать возмущения.

Так думала Кино.

Вскоре после того, как показалась западная стена города, Кино увидел у ворот трактор с прицепом, доверху набитым овощами и фруктами. На водительском сиденье сидел мужчина в низко надвинутой на глаза шляпе. Он был молод - лет тридцати, догадалась Кино - и носил одежду, покрытую грязью.

Он был очень живой.

Гермес тоже увидел его.

— Кино! Человек! Живой!

Они осторожно подошли к трактору. Человек спал, но проснулся от звука двигателя Гермеса. Он нахмурился, потряс головой и открыл глаза. Он встретился взглядом с Кино, когда она подвела Гермеса к остановке и выключила двигатель. Тишина была поразительной.

— Извините, что разбудила вас, — быстро сказала она, снимая очки. — Э-э... доброе утро.

— Доброе утро, — ответил Гермес.

— Вот это сюрприз, — сказал мужчина, широко раскрыв глаза. Он не был похож на человека, который спал пять секунд назад. — Вы… иностранцы? Я имею в виду, приезжие?

Он спрыгнул с сиденья трактора, один раз споткнулся и рысью направился к ним, протягивая руку.

— Действительно, доброе утро! Добро пожаловать в мой город! Как вы сюда попали? Должен сказать, я рад вас видеть!

Кино поморщилась от такого восторженного приветствия, прозвучавшего с двухдневным опозданием. Она пожала ему руку и слегка поклонилась.

Гермес с присущей ему бестактностью пробурчал:

— Вы единственный человек в городе? Что случилось?

Улыбка мужчины исчезла. В его глазах блеснули слезы.

— Вы, кажется, собираетесь уходить. У вас есть время выслушать?

— Мы можем уехать сегодня в любое время, — ответила Кино.

— В таком случае позвольте мне рассказать вам, что здесь произошло. Моя история трагична. Вы будете слушать?

Он потянулся к Кино, но замешкался, едва не коснувшись ее плеча.

Кино посмотрела на Гермеса, потом на мужчину, затем улыбнулась и сказала:

— Я как раз собиралась спросить.

*****

В углу площади, внутри ворот, находилось то, что когда-то было кафе под открытым небом: повсюду громоздились стулья и столы. Мужчина раздвинул тент на тротуаре и поставил стол и пару стульев. Затем он жестом пригласил Кино сесть.

Кино поставила Гермеса рядом со столом на подставку и села на стул. Как, должно быть, приятно здесь было когда-то, подумала она, глядя на площадь. Она представила себе, как там кишат люди, делающие покупки, болтающие, обедающие, попивающие чай. Почему она не могла увидеть это тогда?

Мужчина поставил локти на стол и сложил руки под подбородком.

— С чего бы начать… Наверное, с монархии и революции.

— Значит, был король.

Гермес, казалось, был доволен этим подтверждением его версии сказки.

Мужчина кивнул.

— Около десяти лет назад.

— И была революция. Мы ведь догадывались об этом, не так ли, Кино?

— Значит, вы видели кладбище? — Выражение его лица омрачилось.

— Мы не хотели вмешиваться, - сказал Гермес.

— О, я не возражаю. А они... они точно не будут. Полагаю, так легче рассказывать.

— Это могилы твоего народа? — мягко спросила Кино, когда он замолчал.

Он несколько раз сглотнул, словно слова застряли у него в горле:

— Да... Думаю, теперь нет смысла плакать по этому поводу.

— Это была чума? — спросила Кино. Она не думала, что он может выглядеть еще более жалким, но он выглядел именно так.

— Нет. Из всех них только один человек умер от болезни.

Он глубоко вздохнул и продолжил:

— Я должен начать с самого начала. Как вы уже догадались, это была монархия. У нас были десятки королей; некоторые правили мудро и были любимы. Но их было гораздо больше, чем тех, кто правил плохо и был презираем. Человек, который занял трон сорок лет назад, был одним из худших. Он очень долго был кронпринцем, а как только стал королем, стал делать все, что ему вздумается. Он редко обращал внимание на государственные дела, его больше интересовали собственные... увлечения. Любой, кто выступал против него, был убит или, по крайней мере, исчез.

Мужчина сделал паузу.

— У нас была череда неурожаев, но он не обращал внимания на финансовые трудности, которые они вызывали, и продолжал предаваться своим дорогим развлечениям. У нас было три неурожайных года; многие люди либо голодали, либо уезжали. А ему было все равно. Возможно, он даже не знал значения слова "голодать".

Мужчина ехидно усмехнулся, а затем продолжил.

— Одиннадцать лет назад жизнь стала настолько тяжелой, что группа фермеров умоляла короля снизить налоги. Он убил их всех.

Гермес вздохнул.

Мужчина кивнул.

— Да. Он был отвратительным тираном. Когда мы больше не могли мириться с его жестокостью, мы начали замышлять переворот, революцию - чтобы свергнуть короля и всю систему монархии. В то время я изучал литературу в университете. Моя семья была сравнительно обеспеченной, но я чувствовал ту же боль, что и те, кому повезло меньше. Я был вовлечен в заговор с самого раннего этапа.

— А если бы вас поймали? — спросила Кино.

Выражение его лица было мрачным.

— Меня бы предали смерти. Так было с несколькими моими друзьями - их сначала арестовали, а потом казнили без суда и следствия. Вы знаете традиционный способ казни в этом королевстве? Тебе связывают ноги и руки, подвешивают вверх ногами и бросают на голову посреди дороги. И твою семью казнят вместе с тобой. Я лично видел слишком много публичных казней, чтобы их можно было сосчитать. Прямо посреди перекрестка. Сначала казнят семьи ваших друзей. Их родителей, супругов, а затем детей. Многие отказывались от повязки на глазах, некоторые молились, падая. Мы смотрели, как они умирают. Так много.

Кино окинул взглядом бесплодный план, стараясь не представлять себе эту сцену.

— Однажды весенним утром десять лет назад началось наше восстание. Сначала мы напали на оружейную комнату стражников, чтобы получить оружие и взрывчатку. Ведь населению было строго запрещено владеть оружием. Полагаю, это вполне естественно. Чем хуже руководители, тем больше они боятся вооруженного населения. Как бы то ни было, нам удалось освободить большое количество оружия. На нашей стороне также было несколько стражников. План состоял в том, чтобы ворваться во дворец и захватить короля. Но в итоге нам не пришлось его захватывать - он бежал, трус, каким и был.

Он сделал небольшую паузу и улыбнулся.

— Бескровная революция, — прокомментировал Гермес.

— Почти так. Король и его семья - нет, точнее, король и его сокровища - были спрятаны в кузове большого фермерского грузовика, который направлялся в открытую страну. Мы нашли их довольно быстро. — Он насмешливо фыркнул. — Ну конечно же, нашли. Он пытался забрать с собой так много своих богатств, что они просвечивали сквозь груду овощей, которые он использовал для их сокрытия. Так что революция удалась с очень небольшими потерями.

— Впечатляет. А что было потом? — спросил Гермес.

— Что было потом? Мы создали новую систему правления - демократию. Мы сами будем управлять собой - новый образ жизни, новая система законов. Никому не давалось особых прав; все решалось на референдуме. Мы поклялись, что ни один человек больше никогда не сможет править этим королевством. Оно принадлежало всем.

— Звучит... идеально, — сказалаКино.

— Да, так и было. У кого-то появлялась идея, касающаяся управления или общего блага, и об этом рассказывали всем. Потом проводился опрос, чтобы выяснить, сколько людей с ней согласны. Если большинство соглашалось, то она становилась законом. Первое, что мы решили, - что делать с нашим бывшим королем.

— И что же вы решили? — Кино подозревала, что уже знает ответ.

Мужчина сузил глаза.

— Результаты голосования на девяносто восемь процентов высказались за его казнь. Короля, его приспешников и всех членов их семей.

— Я боялся этого, — прошептал Гермес.

— Королевскую семью связали и бросили, — быстро проговорил он, словно желая поскорее забыть об этом. — И когда это было сделано, мы решили, что эпоха страха и отчаяния наконец-то закончилась. После этого мы занялись восстановлением нашей государственной системы. Сначала мы приняли конституцию. В ней говорилось, что королевство принадлежит всем, а управление им будет осуществляться по принципу большинства. Затем мы определились с налогами, полицией, обороной, законом...

Он нахмурился, казалось, на мгновение потерявшись в своем рассказе, а затем просветлел.

— Больше всего мне понравилось создавать систему образования. Решать, как обучать детей, будущее этого города...

Мужчина закрыл глаза. Он несколько раз кивнул сам себе, затем снова открыл глаза и посмотрел на Кино, словно только что вспомнил, что она здесь.

Она наклонилась вперед.

— Но что же произошло? Как вы дошли от этой идеи до... до этого?

Она указала жестом на пустынную городскую улицу.

Мужчина испустил долгий вздох. Он взглянул на нее.

— Вас зовут Кино, да? Я слышал, как вас так назвал ваш мотоцикл. Могу я...

— Да, Кино. Конечно, вы можете меня так называть. А это Гермес.

Она жестом указала на мотоцикл.

— Я Канаэ, — сказал он им, а затем продолжил приглушенным голосом. — Какое-то время все шло хорошо. А потом в один прекрасный день некоторые люди начали говорить самые ужасные вещи. Честно говоря, в то время это казалось нелепым, а сейчас кажется ужасным только в ретроспективе. По сути, они говорили: "Опрос каждого занимает слишком много времени. Мы должны избрать лидера, дать ему право управлять страной в течение нескольких лет и проводить референдумы только по самым важным вопросам.

— Полагаю, идея лидера была не очень популярна так скоро после…

— Конечно, нет. Если бы мы сделали что-то подобное, и лидер был бы таким же плохим, как и тот, которого мы свергли, кто знает, что бы произошло? Мы бы вернулись к тому, с чего начали - замышляли очередную революцию, а люди страдали и, возможно, даже умирали. Мы подозревали, что эта группа хотела восстановить монархию, чтобы использовать покровительство короля для улучшения своего положения. Это была презренная идея. Естественно, она была отклонена подавляющим большинством голосов.

— Ну что ж, тогда все в порядке, — пробормотал Гермес.

— Но идея была настолько коварной, что само ее существование ставило под угрозу наше будущее. Мы боялись, что эта же группа людей просто подождет, а потом снова попытается изменить способ нашего управления.

Кино взглянула на Гермеса, затем снова на Канаэ.

— Что вы сделали?

— Мы обвинили их в измене, признали виновными и казнили.

Кино ошеломленно покачала головой.

— Традиционным способом?

Выражение лица Канае быстро сменило несколько выражений: испуг, неприкрытое страдание, затем столь же неприкрытая ярость.

— Достойный конец для тех, кто бросил свой народ в рабство деспоту, — прошипел он.

Его взгляд яростно впился в Кино, и на мгновение они замерли, как два фехтовальщика, сошедшиеся в молчаливом поединке. Затем Канаэ опустил взгляд на свои руки, сжавшиеся в кулаки.

— Они были не последними, кто предал королевство, — наконец сказал он. — Однажды группа людей подала прошение об отмене смертной казни. Немыслимо. Если бы мы избавились от смертной казни, нам пришлось бы оставлять предателей в живых, чтобы они продолжали распространять свою заразу. Даже предложить такую идею было равносильно предательству! Поэтому мы... проголосовали, и предатели были казнены. Затем... возникла другая группа, выступавшая против нового налога, который поддерживало большинство. Даже после того, как налог был принят, они продолжали протестовать, говоря, что налоги и так слишком высоки, и они не могут платить больше. Они переоборудовались, чтобы платить. Хуже того, они жаловались на то, что деньги от налога используются не по назначению. Какое высокомерие! Пока они живут в достатке - а они жили в достатке, несмотря на свои жалобы, им этого достаточно. Очевидно, мы не могли с этим мириться.

— И вы их казнили, — догадался Кино.

Гермес издал тихий кашляющий звук:

— Управлять страной очень сложно.

Канае поднял руку, чтобы ткнуть пальцем в невидимую точку в воздухе перед его лицом.

— Это действительно так. Нужно держать себя в руках. — Он продемонстрировал кулак. — Крепкий захват. Иначе все пойдет наперекосяк.

— Что случилось потом?

Кино обнаружила, что больше не может смотреть на лицо Канаэ.

— Мы сделали все возможное, чтобы превратить город в образцовую демократию. Но не было никакой возможности помешать людям предать нас. Даже те, кто вначале был с большинством и твердо стоял на ногах, вдруг стали выступать против нас и пытаться подтолкнуть нас в неправильном направлении. Это было действительно тяжело... ужасно... казнить старых товарищей. Но я всегда выполнял свой долг. Я никогда не позволял личным чувствам влиять на меня. Никогда.

— Это когда у вас закончилось место на кладбище? — спросила Кино, не в силах сдержать сарказм в голосе.

Впрочем, ей не стоило беспокоиться: Канаэ его не услышал.

— Боюсь, что так. К счастью, у нас были королевские сады. Мы планировали превратить их в сельскохозяйственные угодья, но вместо этого их превратили в кладбище, а всех, кто не соглашался с этим, казнили.

— Сколько было казней?

Мужчина некоторое время размышлял над вопросом Кино.

— Хм... со времен королей? Слишком много, чтобы сосчитать.

— Нет, с начала правления нового правительства.

— О! Тринадцать тысяч шестьсот четыре, — легко ответил он.

— Какой опрос решил, что последний?

— Последний... это было ровно год назад. К тому времени население состояло из меня, моей жены и неженатого мужчины, который дружил со мной уже очень давно. Мы планировали поддерживать город втроем, надеясь привлечь новых жителей из окрестностей. Но однажды мой друг объявил, что уезжает. По его словам, ему было одиноко. Мы спорили с ним и снова и снова уговаривали его не делать этого. Но его воля была захвачена этой злой идеей. Бросить свой народ, отступить от своего долга... Мы не могли этого простить. Результаты опроса были два против одного, и его казнили.

— А ваша жена… — Кино боялась спросить. — Ваша жена еще жива? Или ее тоже казнили за измену?

Канаэ резко поднял голову, его лицо стало пепельным. — Моя жена была верной гражданкой. Верной до конца. Полгода назад она умерла от простого гриппа, но я не врач, поэтому ничего не мог сделать. Он попал в ее легкие. А-а-а... Проклятье! Проклятье!

Канаэ начала плакать.

Кино поднялась со своего места за столом и слегка поклонилась.

— Спасибо за ваш рассказ, Канаэ. Я очень хорошо его поняла. Слишком хорошо, — добавила она под вздох.

Канаэ продолжал рыдать, опустив голову на руки.

Кино бросила на него прощальный взгляд.

— Пойдем, Гермес.

Канаэ поднял голову, в его глазах стояли слезы.

— Я единственный человек, оставшийся в этом городе. Здесь так одиноко. Я почти понимаю, почему мой друг, Тоширо, хотел уехать.

— Да, но… — Кино обдумала слова, а потом сказала: — Но ведь это был ваш выбор - остаться одному.

Он кивнул.

— Поступать правильно часто означает платить высокую цену. Королевство должно как-то преодолеть нынешние трудности.

В глазах Канаэ появился свет. Он вытер слезы тыльной стороной ладони и с надеждой посмотрел на Кино и Гермеса.

— Вы двое! Вы можете стать гражданами. Это идеальное решение. Вместе мы сможем восстановить этот город, сделать его снова великим и счастливым. Здесь все равны.

Приглушенное "Нет, спасибо" Кино едва не было заглушено резким "Ни за что!" Гермеса.

Канаэ выглядел удивленным, а затем подавленным.

— Понятно. Ну, нет, вообще-то, не понятно. Но если вы не хотите оставаться, я ничего не могу поделать.

Приняв эти слова за прощальные, Кино сделала шаг к Гермесу.

Канаэ заговорил у нее за спиной.

— Я вынужден настаивать, чтобы вы осталась еще на год. Согласны?

— Нет, Канаэ. Не останусь.

Она вцепилась в руль, думая о револьвере, трущемся о ее правое бедро.

— Я с Кино, — сказал Гермес. — Давай, Кино, поехали.

Канаэ встал, лицо его было напряжено, в глазах отчаяние.

— Тогда останьтесь еще на неделю - всего на неделю. Делайте с нашими ресурсами все, что захотите.

— Не могу, — быстро сказал Гермес.

— Нам ничего не нужно, — добавила Кино.

— Значит, еще три дня мы будем ужинать самыми изысканными деликатесами?

Он потирал руки, как официант, который только что объявил блюдо дня.

Кино качнула Гермеса.

— Мы уходим, пока Кино не сдалась, — сказал мотоцикл.

Канае шагнул к ним, протягивая руки.

— Если вы останетесь, я стану вашим личным рабом!

— Спасибо, но нет.

Кино перекинула ногу через сиденье Гермеса. С бесстрастным лицом она постучала по бензобаку Гермеса и помахала королю королевства.

— Мы уезжаем, ваше величество. Ни одно из ваших предложений не является ни малейшей

заманчивой идеей. Но я благодарю вас за беседу.

Она склонила голову.

— Как ты меня назвала?

Кино покачала головой.

— Неважно. Прощайте, Канаэ.

Он все еще не был готов сдаться.

— Еще один день! Если вы останетесь еще на день, я уверен, что смогу объяснить вам, как прекрасно это место! Пожалуйста!

— Я не могу. Я здесь уже три дня.

И с этими словами Кино повернулась лицом к воротам.

— Я тоже не очень понимаю, — сказал Гермес Канаэ, — но почему-то мы остаемся здесь больше чем на три дня. Простите!

Канаэ стоял, свесив руки по бокам, и выглядел так, будто вот-вот снова расплачется. Он пытался сказать что-то еще, но слова не шли с его губ. Его рот то открывался, то закрывался в тишине. Затем он сунул руку под пыльную куртку и вытащил пистолет. Это был тупоносый револьвер.

Кино узнала марку оружия - оно было рассчитано на двенадцать патронов. Она замерла, положив правую руку на приклад собственного револьвера.

Но Канаэ не направил оружие в спину Кино; он даже не прикоснулся к тяжелому курку.

Кино слегка повернула голову в его сторону.

— Ты собираетесь угрожать нам сейчас?

Ее голос был спокойным и холодным.

Канаэ долго смотрел на свое оружие, зажатое в обеих руках. Он несколько раз тряхнул головой, словно пытаясь прояснить ее.

Через мгновение его губы зашевелились. Сначала Кино не мог разобрать, что он говорит, но его голос становился все громче с каждым словом.

— Нет, это неправильно; это неправильно; это неправильно! Боже мой, неужели вы правы насчет меня? "Ваше Величество", действительно. Если я использую это…

Пистолет задрожал в его руках, и Кино напряглась.

— Вы правы, я стану таким же, как тот глупый король. Неправильно использовать насилие, чтобы навязать другим свое мнение. Это неправильно! Это глупое решение.

Он поднял взгляд на Кино, его глаза были красными от слез.

— Мы должны выбрать путь, которого желает большинство людей. Равное голосование подскажет нам, что это за желание, и мы сможем жить мирно, на основе консенсуса. Так должны жить люди! Только так мы сможем избежать ошибок прошлого! Верно?

Ни Кино, ни Гермес не говорили. Рука Кино не отрывалась от оружия.

Не обращая внимания, Канаэ опустил пистолет. Он открыл его. Патронник был пуст.

Кино повернулась к нему, слегка улыбаясь.

— Вы действительно хотите, чтобы мы остались? — спросила она. — А что, если мы останемся? Что, если через неделю мы с Гермесом скажем: "Ты ошибаешься, Канаэ. Ты ошибаешься". Что тогда?

Пистолет выскользнул из рук Канаэ и упал на булыжники. Его лицо было таким же белым, как стены, окружавшие его драгоценный город, таким же белым, как луна, заглядывавшая за эти стены, висевшие в лазурном небе. Он трясся так сильно, что у него стучали зубы.

Когда Кино испугался, что с ним случится припадок, его рот открылся, и он закричал во всю мощь своих легких:

— Уходите! Вы оба! Уходите сейчас же! Уходите! Убирайтесь из этого города и никогда не возвращайтесь!

— Мы не вернемся, — горячо пообещала Кино.

— Даю вам слово, — добавил Гермес.

Кино завела мотоцикл, наполнив воздух мощным гулом двигателя.

Когда они уезжали, Гермес пробормотал:

— До свидания, ваше высочество.

Но Его Величество Канаэ, Владыка Королевства, его не услышал.

*****

Глядя, как Гермес и Кино уезжают, Канаэ потянулся во внутренний карман куртки и достал горсть патронов. Заряжая пистолет, он не отрывал от них глаз. Он закрыл патронник, слегка подпрыгнув, когда тот защелкнулся. Он крепче сжал пистолет; его пальцы нащупали спусковой крючок, готовые выстрелить.

Гермес понес Кино к воротам. Еще секунда - и они пройдут через них. Канаэ кричал им вслед - кричал со всей силой и рвением, на которые был способен:

— Если вы хотя бы подумаете вернуться сюда, я застрелю вас! Я УБЬЮ ВАС!

Путешественники исчезли через ворота. И больше не вернулись.

*****

Они пришли к развилке дорог. Неожиданная развилка.

Кино сняла очки, достала компас, слезла с мотоцикла и отошла от него, ориентируясь на север. Одна дорога шла на восток - юго-восток, другая - на восток - северо-восток. Во все стороны до горизонта простиралось огромное травянистое поле, усеянное то тут, то там небольшими рощицами деревьев.

— В какую сторону? — спросил Гермес.

Кино прищурилась глядя на карту, которую она нарисовала от руки.

— Здесь должна быть только одна дорога.

— Кто тебе это сказал?

— Тот торговец. Помнишь, тот, с пандой и кенгуру?

— Как я мог забыть? Он тебя точно обманул.

Гермес захихикал.

— Кино - простофиля, — добавил он певучим голосом.

Она проигнорировала насмешку.

— Нет, до сих пор его указания были точны. Направившись на восток от последнего города, мы увидим озеро с фиолетовой водой, а затем попадем в очень большой город-государство.

Она сложила карту и вернула ее во внутренний карман.

— Одна из этих дорог должна быть правильной.

— Ну... да.

— Правая дорога шире, сказала Кино после некоторого раздумья.

— Слева грязь тверже, — сказал Гермес.

Она повернулась, чтобы посмотреть на него.

— Это значит, что по ней больше ездят, — пояснил он.

Некоторое время они молчали, потом Кино сказала:

— Ладно, мы пойдем налево.

— Правда?

— Почему ты так удивлен?

— Ты никогда так просто не решаешь, в какую сторону идти! Ты раздумываешь, пока не проголодаешься. Ты что, перевернул новый лепесток?

Она посмотрела на велосипед.

— Ты имеешь в виду новый лист?

— О… точно… лист. Ну и как, перевернула?

— Вовсе нет. Просто я знаю, что если я буду медлить, то в итоге съем вкусные и питательные протеиновые батончики. Если же я рискну отправиться в путь, то у меня есть все шансы на настоящую еду. Кроме того, день жаркий. Лучше двигаться, чем сидеть на месте, не так ли?

— Конечно, но что, если ты ошибаешься?

Кино посмотрел вдаль.

— Ну, если мы не увидим озеро или дорога свернет не в ту сторону, мы всегда сможем вернуться сюда. Если нам повезет встретить кого-нибудь по дороге, мы сможем спросить дорогу.

— Логика победила. Конечно. Поехали.

Кивнув, Кино убрала компас, забралась Гермеса и снова надела очки. Она направила Гермеса по правой дороге.

— Эй! Погоди-ка, Кино! Ты меня обманула! — закричал Гермес.

— Нет, не обманула. По крайней мере, я не хотела. Я просто подумала, что если мы пробуем одну из них, то не так уж важно, с какой начинать. Верно?

— Жульничество! Это не значит, что мы должны идти по твоему пути!

— Это не мой путь. Это просто один из путей.

Кино нажала педаль газа до упора, и они понеслись по ненакатанной дороге.

http://tl.rulate.ru/book/100394/3519602